

«ВЕЧЕРНИЙ ТБИЛИСИ»

К 50-ЛЕТИЮ РУССКОГО ТЮЗА ИМ. ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

ПОДАРЕННАЯ РАДОСТЬ

ВОСПОМИНАНИЯ
О ТЮЗЕ

директора театра Константина Николаевича Вайсермана. Он вновь выходил на прощани-ум после спектакля, и зрители покидали зал под музыку. Музыка в ТЮЗе звучала всег-да бывала обязательной в каж-дом спектакле — это придумали мудрые люди, знавшие, какое воздействие оказывает музыка на человека, особенно маленького. И, конечно, праздни-чность заключалась в самом актерском действе, творимом на наших глазах людьми, кото-рых мы почти ежедневно встречали на улицах и кото-рые обладали даром перевоплощения — волшебным, порой непонятным и от этого еще более притягательным. Хотелось соприкоснуться с та-кими людьми, видеть их ча-ще — многие из нас ожида-ли актеров после спектакля у подъезда, провожали их до дому; порой вело — кто-ли-бо из наших кумиров оста-навливался, заговаривал с на-ми. Близость работников ТЮЗа со зрителями была постоян-ной, тесной — встречались мы не только в театре, но и на эстраде, а парке культуры и отдыха имени Орджоники-дзе, и в школах, где артисты вели драматические и литера-турные кружки. Актеры были одновременно приращенны-ми педагогами. По этой, веро-ятно, причине многие большие актеры ТЮЗа отвечали отка-зом на предложения перейти в центральные большие теат-ры, мирились и с неважными условиями работы — малой сценой, тесными гримерными, невысокой зарплатой, и на-оборот, актеры, не чувствовав-

шие призвания к работе с детьми, в ТЮЗе не удержи-вались, поработав сезон, дру-гой, уходили. Часто тот или иной актер попросту дружил с кем-либо из наиболее сим-патичных ему «большечиков» театра. А как много значило для подростка ощущение лас-кового внимания к себе со стороны взрослого почитаемо-го тобой человека. В том, что я поверил в себя как в бу-дущего писателя немалую роль сыграли прекрасный, «от бога» актер П. Нарасов и мо-лодая актриса С. Гутманович, которые с непонятием мне даже теперь интересом слу-шали, как школьник читает им свои первые рассказы. Ду-маю, что то же самое могут вспомнить известные ныне ки-нодраматурги Д. Храброви-кий и А. Гребнев и многие, многие другие, независимо от того, кем они стали — народ-ным ли артистом РСФСР, как Г. Чонисвили, или одним из видных инженеров-строителей, как О. Лулов, или заслужен-ным журналистом, как Ю. По-ляков, или писателем, как Р. Джапаридзе, или художником-графиком, как В. Чернышев...

Тбилиси всегда был неред-кость театральным городом. В предвоенные годы тбилисские театры мало в чем уступали московским и ленинградским, в Тбилиси работали превосход-ные мастера сцены — певцы,

дирижеры, композиторы, ак-теры и режиссеры. Высоким профессиональным уровнем отличался и ТЮЗ, в котором трудились режиссеры Г. Тоа-стоногов, А. Такаишвили, А. Гинзбург, декорации оформ-ляла И. Штенберг, а музыку к спектаклям писали компози-торы А. Крутиков, В. Бейер. Я, получив, как и многие дру-гие активисты, постоянный пропуск в театр, часто проби-рался на репетиции оркестра, сидел где-нибудь в уголке и часами слушал, наблюдая за пластичными движениями рук походившего на итальянца эпо-хи Возрождения дирижера В. Бейера...

ТЮЗ был частью жизни, он занимал наше свободное вре-мя, насыщая его радостями, одних не пускал на улицы, других отнимал у улицы, за-манивая в свою семью. Иных театр брал к себе навсегда. Один из многих примеров это-го режиссер В. Вольгуст.

Автор этих строк не стал ни актером, ни режиссером. Но я начал лучше понимать театр после того, как был привлечен к работе в нем в юношеском возрасте. Не знаю, у кого родилась нелепая мысль — то ли у самого глав-ного режиссера Н. Маршана, то ли у постановщика пьесы Э. Ростана «Романтики» А. Гинзбурга. Во всяком случае, мне, мальчишке, правда, только что занявшему первое место в городском соревновании по фехтованию, вдруг предложи-ли поставить в спектакле фех-товальные сцены. Оробев, я принялся отнекиваться. А. Гинзбург объяснил, что он хо-

чет на сцене настоящего фех-тования, а не театрального, в котором много условностей, стал ободрять меня. Я согла-сился, но... дело не пошло. Я стеснялся, не мог ощутить себя в роли учителя тех, кого почитал, привыкнув считать своими учителями. На одной из репетиций А. Гинзбург улыбнулся и спросил меня:

«Не получается у них? А что бы ты сделал, будь они спортс-менами, а ты тренером?» «Стегнул бы рапирой по но-гам», — пробормотал я. «Ну и стегай, — к моему ужасу хладнокровно произнес ре-жиссер, — раз они такие не-поворотливые». Я разинул рот. Потом осмелел и в конце кон-цов вместе со своими «учени-ками» преодолел все трудно-сти. Деньги, полученные за постановку фехтования, были одним из первых моих заре-ботков, и я с гордостью вру-чил их матери вместе с про-граммой спектакля и афишей, на которых значилась моя фа-милia. До ухода на службу в Военно-Морской Флот я при-существовал на всех спектаклях «Романтики», и если не ока-зывалось свободных мест, а в ТЮЗе почти всегда бывал ан-шлаг, присутствовал на полу у сцены и с наслаждением мо-трел и слушал. Ростановский текст знал наизусть, помню его до сих пор, и с той поры Рос-тан стал одним из моих лю-бимых драматургов наравне с Шекспиром и Чеховым.

Вспоминать и рассказывать о русском ТЮЗе времен мо-его детства и юношества мож-но много. В заключение этих беглых заметок добавлю еще одно — без ТЮЗа все мы, его бывшие зрители и воспитан-ники, были бы, повзрослев, чуточку хуже.

Михаил ЛОХВИЦКИЙ,
писатель.